

ДРАКОНООБРАЗНЫЕ ЗНАМЕНА

Алан Ахсарович Туаллагов, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Статья посвящена исследованию драконообразных знамен алан. Проблема генезиса и распространения подобных знамен не нашла своего окончательного решения, что диктует актуальность ее исследования. Научная новизна исследования определяется систематизацией накопленного опыта по реконструкции истории формирования и распространения таких знамен в контексте ее включения в актуальный перечень исследовательских направлений современной вексиллологии. Таким образом, цель исследования заключается в исследовании феномена драконообразных знамен. Задачи исследования состоят в определении истоков формирования, распространения и эволюции знамен. Для решения задач использовались методы комплексного и визуального анализа изображительных памятников, методы текстуального исследования источников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения. В ходе исследования наиболее обоснованным представляется решение о формировании драконообразных знамен в древнем Китае, где сам образ дракона обрел тесную символическую связь с идеей верховной власти. Из Китая знамена были заимствованы в контактной зоне их северными соседями, у которых символом власти и покровителем воинских союзов выступал пес-волк. В результате флаги были преобразованы на основе контаминации заимствованного и оригинального образов, что сформировало собственные драконообразные флаги с головой волка и телом змея. Такие знамена хуннов получили свое дальнейшее распространение и послужили прототипами для волчьих знамен тюркских народов. Другая линия развития была связана с ираноязычным сармато-аланским миром. Через него знамена распространялись не только в родственной этнокультурной среде, включая образцы как с головами, так и без голов, но и достигли вместе со своими носителями Западной Европы. Здесь они оказались включены в число римских воинских знамен и императорских инсигний, но со временем утратили символическую связь с образом пса-волка, преобразовавшись в исключительно драконообразные знамена.

Ключевые слова: драконообразные знамена, археологические и письменные источники, символизм, аланы.

Для цитирования: Туаллагов А.А. Драконообразные знамена // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 17(24). С. 58-72. DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.007

Введение

Письменные и археологические источники позволяют выделить отдельные типы знамен, использовавшихся аланами на протяжении достаточно продолжительного времени. Их исследования могли бы составить отдельное направление в вексиллологии. Несомненно, самыми оригинальными из них являются так называемые драконообразные знамена. Вопросы их генезиса и распространения затрагивались и затрагиваются вплоть до самого последнего времени в исследованиях отдельных специалистов, предложивших различные подходы и решения для возникающих при их освещении проблем. Частью они были представлены и в научных изданиях автора предлагаемой статьи. Также наблюдается некоторый разрыв в корреляции приводимых материалов и результатов в трудах отечественных и зарубежных специалистов. Такое положение определяет актуальность предлагаемого исследования, а его научная новизна заключается в самой постановке проблемы, призванной систематизировать накопленный к настоящему времени опыт исследовательских работ и включить проблему в актуальный перечень исследовательских направлений современной вексиллологии.

Основная часть

Согласно наблюдениям исследователей, лежащий в основе драконообразных знамен мифологический образ дракона сформировался в Юго-Восточной Азии. Отсюда его заимствовали древние китайцы, у которых он со временем стал тесно связан с идеей верховной власти, с образом императора. Сформировавшиеся в Китае драконообразные знамена впоследствии были заимствованы «северными варварами». Пример такого заимствования усматривают [1, 108–111] в изображении на «оленном камне» № 2 местности Хэрэксурийн дэнж (Монголия).

Впоследствии непосредственно образец знамени реконструируется из разобранных деталей в хуннских погребениях курганов №№ 1, 6, 25 могильника Ноин-Ула начала I в. н. э. К ним отнесены навершие в форме бронзовой головы волка, бронзовые солнечные розетки и двухконечные шелковые флаги, в которых усматривали задние ноги существа. В объединенной реконструкции и получалось соответствующее тотемическое изображение, которое включали в круг прототипов соответствующих волчьих знамен тюркских народов [2, 15, 22, 24, pl. II, a, b, c].

Бронзовое навершие в виде головы волка с длинным рогом, моделированной в высоком рельефе, происходит из кургана № 1 (Мокрый). Оно сопоставляется с изображениями волчьих голов в искусстве племен Горного Алтая скифского времени, в частности, с вырезанной из дерева волчьей головой из Большого Катандинского кургана. Солнечные розетки из кургана №25 сами служили навершиями на насадках-втулках с шипом.

Определялось их китайское производство и использование как наверший флагов на высоких шестах, к которым они крепились гвоздями через два отверстия на втулке. Цилиндрические двухконечные флаги на деревянном обруче из кургана №6, как полагали, подвешивались на шипах насадок-втулок [3, 84, 91].

Единая «сборка» вызывает некоторые сомнения не только в условиях разбросанности материалов по разным курганам и гипотетичности трактовки матерчатой части реконструкции. Розетки-навершия сами венчали древка, что не оставляет места для навершия в форме головы волка. Но, в целом, безотносительно допустимости конкретной реконструкции, сопоставление ноин-улинских материалов с аланскими драконообразными знаменами вполне объективно.

Кроме того, цилиндрические флаги на деревянном обруче сопоставимы с хорошо известным специалистам изображением подобного знамени без навершия за спиной одного из всадников в сцене боя пешех и конных воинов на костяной пластине из погребения кургана №2 Орлата (Узбекистан). Исследователи не исключают, что подобные знамена изображены на монетах индо-скифских правителей, таких, например, как Азес I (57–35 гг. до н. э.) и Азес II (35–12 гг. до н. э.) [4, 21, 203, ill. 12, 13]. Данное сопоставление представляется вполне допустимым, если только мы не имеем дела с элементом одежды, что более очевидно для монеты Гондофара [5], правившего в 19/20–46 гг. н. э. [5, 22–23].

Традиция использования драконообразных знамен в Азии прослеживается и в раннем средневековье. С ними связывается, например, изображение образца в Синьцзяне (Китай) – «святой воин» (Нагараджа) в Кирише [6, 189, fig. 432; 2, pl. II, d]. Там же зафиксированы и иные изображения, в которых представлены знамена как с головами драконов, так и без голов [6, 24, fig. 46, 47, 46, fig. 90, 58, fig. 117, 123, fig. 274, 131, fig. 287, 304, fig. 617]. Изображения предложено датировать VII в. н. э. [4, 86].

Находки относятся к районам, ранее связанным и с историей юэчжей-тохаров, чья миграция на запад положила начало многим перемещениям древнего ираноязычного населения, одним из результатов которых стал выход на историческую арену алан и появления их в Восточной Европе. Но на период их создания они находились под контролем тюрков, хотя прослеживается и влияние Ирана. С изображением из «Пещеры с голубями» в окрестностях Кызыла сопоставляли изображение из Карачара (Карашар) [7, 126, рис. 1, 127].

Драконообразное знамя представлено в руке пешего воина в росписи «Синего зала» Пянджикента (Таджикистан), которую связывают с сюжетами из биографии эпического Рустама. Отмечалось, что в средневековой лексике народов Средней Азии навершие знамени обозначалось словом «аджар», имевшим значение «дракон», что могло фиксировать

реальную практику изображать в качестве наверший именно драконов [8]. Дракон, согласно «Шахнамэ», был изображен на знамени Рустама, чьим историческим прототипом служил правитель Сакастана второй половины I в. н. э. из рода Аршакидов, хотя история его появления связывается с драконоборческой темой [5, 36–37, 55–57, 73–76]. Однако здесь следует помнить об объединении и уподоблении образов дракона и драконоборца, которое выражается и в известных представлениях о том, что дракона может победить только другой дракон. В XI в. султан Махмуд Газнави в качестве своего флага выбрал флаг Рустама с изображением дракона.

Среди находок, относимых частью специалистов к драконообразным знаменам, отмечается находка в районе г. Остяко-Вогульска (совр. Ханты-Мансийск) серебряной позолоченной головы, длиной 30 см, с глазами, изначально инкрустированными цветной пастой. Полагалось, что она служила навершием сасанидского знамени. Указывалось на сходство головы с изображением головы Сэнмурва как знака царского достоинства первого Сасанида, украшавшего, по «Шахнаме», знамя Сасанидов. Завитки шерсти на подбородке головы сравнивались с образцами китайского искусства танского времени. Полагают, что штандарт из северо-восточных областей сасанидского Ирана VI–VII вв. попал на север в качестве военного трофея [9, 17–19]. Но другие специалисты высказали сомнение в его атрибуции, предполагая и возможность рассмотрения как части зооморфного трона VIII в. [10, 25–26].

Исследователи также полагали, что в сасанидском драконе можно усматривать царскую эмблему [11, 209–210]. Возможно, сасанидские всадники с драконообразными знаменами изображены на коптских настенных росписях IV–V вв. из оазиса Харга (Египет) [12]. Ученые считают [13, 164, № 25, 168], что такой дракон еще периода правления Аршакидов как сигнум начальника тысячного отряда был изображен на оттиске печати из Старой Нисы. Близкие изображения дракона отмечают в рельефах парфянского дворца в Хатре II в. и на реверсе монеты Вологеза IV (191–209 гг.) [14, № 23].

Наиболее полное представление о драконообразных знаменах среди европейских источников представлено в описании упражнений римской конницы в «Тактическом искусстве» Флавия Арриана, составленном в 136 г. В них использовались «скифские значки» в виде драконов на шестах. Они сшивались из разноцветных лоскутов, имея от головы до хвоста облик змея. При движении «значки» надувались воздухом, приобретая вид змея, и свистели. Они не только производили соответствующее впечатление, но и служили надежным ориентиром отрядам, позволяя совершать различные маневры и не сталкиваться с другими отрядами [15, 55, 185–186]. Несколько сокращенное описание воспроизводилось в византийском словаре Суды X в. В нем «скифские значки» на шестах, из-

готовленные из пестрой ткани, представляли собой змей, вздувавшихся при движении и производивших некий звук [15, 133, комм. 169].

Не исключают, что в словаре Суды знамена-драконы «индийцев» IV в. связаны с подразделениями в 1 000 воинов ираноязычных народов Азии, возможно, «скифо-сарматского» происхождения [4, 138–140]. В данном случае справедливо вспоминают о знаменах-драконах парфян, предположительно для подразделения в 1 000 воинов, о которых сообщал Лукиан Самосатский, описывая римско-парфянскую войну 162–165 гг. [4, 105–107].

Несомненно, драконообразные знамена служили заметными знаками для координации боевых действий. Кроме того, их свист мог служить ориентированию воинов по звуку, а положение тела – ориентиром по ветру для лучников и метателей дротиков. Как отмечают исследователи, описание Флавия Арриана полагает, что заимствование знамен римлянами было все еще недавним событием. Другие авторы не рассматривают сообщение как указание на уже произошедшее заимствование [15, 133; 4, 105–106]. Полагают, что такое описание появляется только в конце III в. у Марка Аврелия Олимпия Немезиана, подтверждаясь для 304 г. произведением Аврелия Пруденция [4, 107–108, 123–124].

Следует указать на сообщение Валерия Флакка в его поэтическом произведении «Аргонавтика», в котором упоминается легион фракийского племени бисалтов под водительством Колакса, имя которого является именем легендарного правителя скифов Колаксия. В давнем переводе на русский язык представлен образ «воздушных драконов», что комментируется указанием на значки и эмблемы скифов в описании Флавия Арриана и словаря Суды и на их последующее распространение под скифским влиянием у персов, парфян и римлян [16, 345, сн. 6]. Опуская указание на допустимые в поэтическом произведении вольности и скифо-фракийскую контаминацию в нем, укажем, что сам перевод «auratos ... dracones» некорректен, а следует переводить – «золотых... драконов». Причем, по мнению специалистов, есть основания полагать, что речь шла о шейном украшении Колакса [17, 41, п. 57]. Собственно, драконы служат символом матери Хоры (Hōrae), которая является легендарной змееной богиней – прародительницей скифов [17, 38–39, п. 51, 41, п. 58], что, на наш взгляд, полностью исключает связь образа драконов поэмы с драконообразными знаменами.

Наиболее раннее изображение драконообразных знамен в римской армии представлено на саркофагах Портоначчи и Людовизи конца II – начала III в. Внедрение таких знамен связывают с широкомасштабными столкновениями римлян с ираноязычным миром начала II в. н. э. После Дакийской и Парфянской кампаний в римскую армию были введены вспомогательные контингенты тяжеловооруженной конницы сарматов и даков, которые несли и соответствующие знамена. Происходило и ре-

формирование конницы на сарматский манер. Бронзовая голова дракона как часть штандарта III в. была обнаружена в римском военном поселении в Нидербибере (Северный Рейнланд-Пфальц, Германия). Полагают, что с ней сопоставимо изображение драконообразного знамени на арке Константина Великого 315 г., в сцене въезда в Рим после победы в битве у Милленского моста 28 октября 312 г. [4, 66–67].

Считают, что во второй половине II в. драконообразный штандарт становится основным у римской кавалерии, а в III – начале IV вв. – общевоинским штандартом. В то же время в описании Аммиана Марцеллина драконы с пурпурными нашивками на вершинах копий предстают в качестве императорских знамен [15, 133–136; 18, 187–189; 19, 203–205 и др.].

В XVI в. н. э. в Карпатском бассейне была обнаружена гравированная золотая пластина (ныне утеряна) весом 1,75 кг, изображавшая змея или дракона и служившая навершием знамени, которое считают царским знаменем правителя даков Децебала [20, 20–21]. На арке Траяна изображено вторжение Децебала 101–102 гг. в Мезию. На ней у даков и среди трофеев представлены драконообразные знамена, но здесь же изображены и всадники роксолан. Всего знамя отмечается 27 раз. Некоторые исследователи не исключают, что знамя появилось у даков под влиянием сармат, а через даков попало к римлянам [15, 133–134]. Но на самой арке Траяна такое знамя не проявляет никакой связи с сарматскими всадниками.

Драконообразное знамя в качестве трофея представлено на рельефе храма Адриана (138–145 гг.) на Марсовом поле в Риме. При Антонии Пие (138–161 гг. н. э.) на римских монетах Дакия изображалась с короной в правой руке и с подобным штандартом в левой руке [21, 189, pl. 26, 12]. Возможно, несколько иная композиция известна по другим более поздним сериям монет.

Сарматы-языги и аланы принимали участие в I Маркоманнской войне (167–175 гг.) против Рима. Примечательно, что император Марк Аврелий (161–180 гг. н. э.) в приписываемом ему письме Сенату отмечал, что враг выставил 74 дракона на пути продвижения римских отрядов [20, 14]. Соответствующие трофеи изображены на колонне Марка Аврелия, хотя некоторые исследователи сомневаются в такой идентификации [4, 44–46]. Предполагают, что сарматы, выступившие на стороне Рима, с такими штандартами изображены на арке Галерия в событиях войны 290-х гг. против персов.

Внимания привлекают к себе некоторые данные нумизматики [21, СХХVI, СХХVII, СХХVIII, n. 4, СХLI]. Такие штандарты как трофеи были изображены на монетах Марка Аврелия [21, pl. 88, 6], выбитых в честь победы над языгами, и среди трофеев на его колонне [4, 46]. Но следует отметить, что изображения драконообразных знамен на монетах Марка Аврелия в честь победы над языгами имеют параллель на монетах Коммода в честь победы над германцами.

После своего поражения языги обязались поставить Риму 8 000 всадников. 5 500 из них были направлены в Британию на охрану Адрианова Вала (другие на подавление мятежа Авидия Кассия в Сирии). В начале XVII в. возле современного г. Рибчестер в Ланкашире были найдены два надгробия, которые, к сожалению, утеряны к настоящему времени. Первое было поставлено жене Юлия Максима, *singularis consularis alae Sarmatorum*. На втором, где изображался пронзающий врага длинным копьем всадник, упоминался декурион сарматской алы. Поскольку алы обычно состояли из 500 воинов, то, следовательно, языги были разделены на 11 отрядов. Две другие надписи из Рибчестера, посвященные Аполлону Манопу и восстановлению храма и датируемые 238–244 гг. и 225–235 гг., упоминают *numerus equitum Sarmatorum Bremetennacensium Gordianorum*.

Еще на одном рельефе из Честера, найденном в 1890 г. и датируемом концом II или III в. н. э., изображен всадник в защитном вооружении, держащий над головой драконообразный штандарт [22, 15–29]. Некоторые исследователи только допускали сарматскую атрибуцию памятника [4, 53] или предлагали признать в честерском надгробии изображение дакийского воина [23, 146–174]. Полагают, что история сарматов Британии, находившихся на службе Рима, стала источником и для образов драконообразных штандартов в легендах о короле Артуре и даже для современного флага Уэльса.

Попытка усмотреть на честерском памятнике изображение дакийского воина справедливо, как представляется, была отвергнута [24, 1–9]. В то же время не все приводимые аргументы в пользу сарматского происхождения штандартов можно принять. Так, прежние попытки связать название савроматов с названием и образом ящерицы [24, 4] давно и объективно отвергнуты.

Некоторые исследователи также полагали, что тесное взаимодействие сарматов с германскими и кельтскими племенами, например, тайфалами и менапиями, привело к заимствованию последними определенных конных традиций сарматов, что отразилось, в том числе, в изображениях драконов на их инсигниях, зафиксированных в *Notitia Dignitatum* [25, 139–140]. Отмечается и совместная служба сарматов и тайфалов, например, в Галии. Включение в такое решение и некоторых восточных представлений о драконе другие авторы считают возможным для части изображений [4, 70–72].

Изображения знамен различных типов представлены в граффити на западной стене склепа кургана на Госпитальной улице в Керчи (Крым). Одно из них сопоставляют с образцами из «Дачи» и Ноин-Улы, другое имеет форму узкого и длинного полотнища с навершием на древке в виде головы дракона. Предварительно изображения широко датировались со II в. по V в. Но в конечном итоге вопрос об их происхождении остается открытым [26, 207–210].

Исследователи, исходя из образцов скульптурных памятников, полагают, что зооморфные штандарты драконообразных знамен в форме голов напоминают собачьи головы. Известно, что пес-волк выступал покровителем воинских сообществ [27, 57–62], будучи, например, связан со скифскими воинскими культами. Такое положение сохранялось и в сарматский период. Среди материалов, использовавшихся исследователями, объективно привлекались и данные фольклорно-этнографического наследия осетин [28, 305–329; 29, 104–119; 15, 134 и др.].

Если принимать такое решение, то, возможно, следует дополнительно обратить внимание на скипетры из воинских сармато-аланских погребений. Они представляли собой вырезанные на дереве композиции, покрытые золотой фольгой, прямоугольной вытянутой формы, что указывает на их оригинальное изготовление. На них изображались хищники или фантастические существа, в том числе в сценах терзания. Такие скипетры служили символом власти военного предводителя. Причем материалы погребений проявляют явные связи с центральноазиатским регионом, что может рассматриваться в контексте прихода на запад алан.

В то же время, например, для изображения на скипетре из погребения №19, кург. № 1 ОПХ «Рассвет» учеными предполагается проявление кельтского влияния. Навершая от подобных скипетров, увенчанные головками «драконов», известны по готским материалам. Но их изображения отличаются стилистически. Такие скипетры у сармато-алан служили символом власти военного предводителя. Особое внимание может привлечь обкладка скипетра из погребения №2, кургана №1 могильника Октябрьский V, на которой изображены волкообразные хищники.

По мнению исследователей [30, 140–147], образы дракона и волка могли быть связаны с тотемической мифологией, как символы верховной власти, символа происхождения правителя, силы обладания и победы. С ними и было связано появление драконовых знамен в Китае, а волчьих – в кочевой империи хуннов. Именно на границе этих миров произошла контаминация образов, выразившаяся в создании синкретического образа с головой волка и телом змея. Отсюда такие драконообразные знамена распространились на запад по Великому шелковому пути, условно во II–V вв., и предположительно в среде родственных племен путем передачи этого символа воинской власти в элитной субкультуре сарматов/алан. Если на Востоке волчьи знамена сохраняются, то на Западе они с конца III в. теряют «волчьи» черты, превращаясь в чисто драконовые.

Заключение

Сформированный в Юго-Восточной Азии мифологический образ дракона приобрел в заимствовавшем его древнем Китае тесную символическую связь с идеей верховной власти. Позднее сформировавшиеся здесь

драконообразные знамена были заимствованы иноэтничным населением в одной или нескольких из контактных с Китаем зон. Причем они были преобразованы на основании собственных представлений о псе-волке как покровителе воинских сообществ и их культов, собственном символе верховной власти. В результате драконообразные знамена были увенчаны штандартом в виде волчьей головы.

Контактные зоны включали в себя не только китайскую линию, но и линии между местными этнокультурными мирами. Одна из них была представлена хуннами, чьи знамена на современном этапе могут рассматриваться как прототипы волчьих знамен тюркских народов, многие столетия потом бытовавших в азиатском регионе. Другая линия, связанная с ираноязычным сармато-аланским миром, не только послужила основой для их распространения в родственной в этнокультурном плане среде данного региона, но и открыла период распространения таких знамен на запад, вплоть до Западной Европы. Здесь они оказались включены в число римских воинских знамен и императорских инсигний, где утратили символическую связь с образом пса-волка, преобразовавшись в исключительно драконообразные знамена.

1. *Дэвлет М.А.* Щиты и их изображения на оленных камнях // Проблемы современной археологии: сборник памяти Владимира Александровича Баширова. Материалы и исследования по археологии России. М.: Институт археологии РАН: Таус, 2008. №10. С. 96–125.

2. *Esin E. Tös and Moncuk.* Notes on Turkish Plag-Pole Finials // *Central Asiatic Journal. International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia.* Wiesbaden, 1972. Vol. XVI. № 1. P. 14–36 + IX pl.

3. *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1962. 206 с.

4. *Marciniak M.* Draco – historia smoczego sztandaru. Draco – the history of the dragon standard. Praca magisterska na kierunku archeologia w zakresie Antropologia ogolna. Warszawa, czerwiec 2010. 241 p. [сайт]. URL: https://www.academia.edu/6906546/Draco_History_of_the_Dragon_standard.

5. *Gazerani S.* The Sistani Cycle of Epics and Iran's National History: on the Margins of Historiography // *Studies in Persian Cultural History.* Leiden, Boston, Brill, 2016. Vol. 7. XIII+224 p.

6. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Mit 1 tafel und 678 figuren. Berlin, Druk und Verlag von Georg Reimer, 1912. 370 s. (на немец. яз.).

7. *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Изображения панцирных воинов на

фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. С. 56–69.

8. *Дмитриев С.В.* Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии) // *Para Bellum*. 2001. №14 [сайт]. URL: http://parabellum.vzmakh.ru/n14_s4.shtml

9. *Тревер К.В.* Серебряное навершие сасанидского штандарта // Сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Государственный Эрмитаж, 1940. Вып. II. С. 17–19.

10. *Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С.* Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 216 с.

11. *Sarre F., Herzfeld E.* Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus Alt- und Mittelpersischer Zeit. Berlin: Verlegt bei Ernst Wasmuth A.-G., 1910. 277 s.+LI tafl. (на немец. яз.).

12. *Vermaat R.* The Draco, the Late Roman Military Standard. 1999 [сайт] URL: www.fectio.org.uk/articles/draco.htm.

13. *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы // Вестник древней истории. 1954. № 4(50). С. 159–169.

14. *Les Monnaies des Rois Parthes: Supplément à l'ouvrage de M. le comte Prokesch-Osten par Alexis de Markoff.* Paris: a la Librairie numismatique de C. van Peteghem 1877. Fasc. I. 15 p. (на франц. яз.).

15. *Нефёдкин А.К.* Арриан. Тактическое искусство. Перевод, комментарии, вступительные статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 286 с.

16. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели (Продолжение) // Вестник древней истории. 1949. №2(28). С. 271–356.

17. *Valerius Flaccus Argonautica, book VI. A commentary by Henry J. W. Wijsman* // *Mnemosyne: bibliotheca classica Batava*. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2000. Suppl. 204. XII+310 p.

18. *Bishop M.S., Coulston J.C.N.* Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. Oxford: Oxbow Books, 2009. XIV+321 p.

19. *Delia G.* Wolf vs. Dragon. What if Medieval Dragons Were Wolf-Headed Snakes from Antiquity? // *New Frontiers in Archaeology. Proceedings of the Cambridge Annual Student Archaeology Conference 2019*. Oxford, 2020, pp. 195–213.

20. *Makay J.* Iranians elements in early Mediaeval heroic poetry. The Arthurian cycle and the Waltharius // *Tractata Minuscula 12*. Budapest, 1998. 64 p.

21. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. With an introduction and III plates. London: The British Museum. Printed by order of the trustees, 1940. Vol. IV. Antonius Pius to Commodus. CC+964 p.+111 pl.
22. *Richmond I.A.* The Sarmatae, Bremetennacum Veteranorum and the Regio Bremetennacensis // *The Journal of the Roman Studies*. 1945. Vol. XXXV. P. I & II. P. 15–29.
23. *Mihailescu-Birliba L.* A Funerary Sculptured Monument of Chester and its Representation // *Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 2009. XV. International Workshop Economy, society and integration in the provinces of the Roman Empire, Tulcea, 7–9 September 2008. P. 146–173.
24. *Nicolini G.* The cavalryman of Chester, a Dacian or Sarmatian Warrior? April, 2021. P. 1–9 [сайт] URL: www.academia.edu/46018076/The_Cavalryman_of_Chester_a_Dacian_or_Sarmatian_Warrior.
25. *Nickel H.* The Dragon and the Pearl // *Metropolitan Museum Journal*. 1991. Vol. 26. P. 139–146.
26. *Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф., Воронков И.А.* Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // *Древности Боспора*. М.: Институт археологии РАН, 2018. Т. 23. С. 151–170.
27. *Васильков Я.В.* «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории // *Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени*. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 57–71.
28. *Ivančik A.* Les Guerriers-Chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure // *Revue de l'histoire des religions*. 1993. Vol. 210. №3. P. 305–330 (на франц. яз.).
29. *Ustinova Yu.* Licanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobya-kovo Torque // *Ancient West & East*. Leiden–Boston–Köln, 2002. Vol. 1. №1. P. 102–123.
30. *Савинов Д.Г.* Волчи/драконовы знамена на Западе и на Востоке // *Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва*. Кемерово: Издательство КРИПКиПРО, 2020. Вып. 28. С. 140–148.

DRAGON-SHAPED BANNERS.

Tuallagov, Alan A. – Doctor of Historical Sciences, head of the department of archeology, V.I. Abaev's North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Keywords: *dragon-shaped banners, archaeological and written sources, symbolism, the Alans.*

The article is devoted to the study of the dragon-shaped banners of the Alans. The problem of the genesis and spread of such banners has not found its final

solution, which dictates the relevance of its research. The scientific novelty of the study is determined by the systematization of the accumulated experience in reconstructing the history of the formation and dissemination of such banners in the context of its inclusion in the current list of research areas of modern vexillology. Therefore, the purpose of the study is to investigate the phenomenon of dragon-shaped banners. The objectives of the study are to determine the origins of the formation, distribution and evolution of banners. The study used methods of complex and visual analysis of pictorial monuments, methods of textual study of sources, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation. In the course of the study, the most justified decision seems to be the formation of dragon-shaped banners in ancient China, where the image of the dragon acquired a close symbolic connection with the idea of supreme power. From China the banners were borrowed in the contact zone by their northern neighbors, whose symbol of power and patron of military alliances was the dog-wolf. As a result, the flags were transformed based on a contamination of borrowed and original images, which formed their own dragon-shaped flags with the head of a wolf and the body of a serpent. Such banners of the Huns received further distribution and served as prototypes for the wolf banners of the Turkic peoples. Another line of development was associated with the Iranian-speaking Sarmatian-Alan world. Through it, the banners spread not only in a related ethnocultural environment, including examples with both heads and without heads, but also reached Western Europe along with their bearers. Here they had been included among the Roman military banners and imperial insignia, but over time they lost their symbolic connection with the image of the dog-wolf, transforming into exclusively dragon-shaped banners.

For citation: Tuallagov, A.A. Dragon-shaped banners. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 17 (24), pp.58-72. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.007

REFERENCES

1. Devlet, M.A. *Shchity i ikh izobrazheniya na olennykh kamnyakh* [Shields and their images on deer stones]. *Problemy sovremennoi arkheologii: sbornik pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashirova. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii* [Problems of modern archeology: a collection in memory of Vladimir Aleksandrovich Bashirov. Materials and research on the archeology of Russia]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, Taus, 2008, no. 10, pp. 96–125.
2. Esin, E. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Plag-Pole Finials. *Central Asiatic Journal. International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia*. Wiesbaden, 1972, vol. XVI, no. 1, pp. 14–36 + IX pl.
3. Rudenko, S.I. *Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany* [The culture of the Huns and the Noinulin mounds]. Moscow–Leningrad, Publishing house of the USSR Academy of Sciences. Leningrad branch, 1962. 206 p.
4. Marciniak, M. *Draco – historia smoczego sztandaru. Draco – the history of the dragon standard. Praca magisterska na kierunku archeologia w zakresie*

Antropologia ogólna. Warszawa, czerwiec 2010. 241 p. [Web-site]. URL: https://www.academia.edu/6906546/Draco_History_of_the_Dragon_standard.

5. Gazerani, S. The Sistani Cycle of Epics and Iran's National History: on the Margins of Historiography. *Studies in Persian Cultural History*. Leiden, Boston, Brill, 2016, vol. 7. XIII+224 p.

6. Grünwedel, A. *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Mit 1 tafel und 678 figuren*. Berlin, Druk und Verlag von Georg Reimer, 1912. 370 s. (in German).

7. Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. *Izobrazheniya pantsirnykh voinov na freskakh Kyzyla iz Vostochnogo Turkestana (po materialam issledovaniy A. fon Le Koka)* [Images of armored warriors on the frescoes of Kyzyl from Eastern Turkestan (based on research by A. von Le Coq)]. *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu: sbornik nauchnykh trudov* [Military affairs of the nomads of Central Asia in the Xianbei era: collection of scientific articles]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2005, pp. 56–69.

8. Dmitriev, S.V. *Znamennyi kompleks v voenno-politicheskoj kul'ture srednevekovykh kochevnikov Tsentral'noi Azii (nekotorye voprosy terminologii i morfologii)* [Banner's complex in the military-political culture of medieval nomads of Central Asia (some issues of terminology and morphology)]. *Para Bellum* [Para Bellum]. 2001, no. 14 [Web-site] URL: http://parabellum.vzmakh.ru/n14_s4.shtml

9. Trever, K.V. *Serebryanoe navershie sasanidskogo shtandarta* [Silver pommel of the Sasanian standard]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of the State Hermitage]. Leningrad, State Hermitage, 1940, iss. II, pp. 17–19.

10. Ivanov, A.A., Lukonin, V.G., Smesova, L.S. *Yuvelirnye izdeliya Vostoka. Drevnij, srednevekovyi periody. Kolleksiya Osoboi kladovoi otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha* [Jewelry of the East. Ancient, medieval periods. Collection of the Special Storeroom of the Oriental Department of the State Hermitage]. Moscow, Iskusstvo, 1984. 216 p.

11. Sarre, F., Herzfeld, E. *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus Alt- und Mittelpersischer Zeit*. Berlin, Verlegt bei Ernst Wasmuth A.-G., 1910. 277 s.+LI tafl. (in German).

12. Vermaat, R. The Draco, the Late Roman Military Standard. 1999 [Web-site]. URL: www.lectio.org.uk/articles/draco.htm.

13. Masson, M.E., Pugachenkova, G.A. *Ottiski parfyanskikh pechatej iz Nisy* [Impressions of Parthian seals from Nisa]. *Vestnik drevnei istorii* [VDI, Journal of Ancient History]. 1954, no. 4 (50), pp. 159–169.

14. *Les Monnaies des Rois Parthes: Supplément à l'ouvrage de M. le comte Prokesch-Osten par Alexis de Markoff*. Paris, a la Librairie numismatique de C. van Peteghem 1877, fasc. I. 15 p. (in French).

15. Nefedkin, A.K. *Arrian. Takticheskoe iskusstvo. Perevod, kommentarii,*

vstupitel'nye stat'i [Arrian. Tactical art. Translation, comments, introductory articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University; Nestor-Istoriya, 2010. 286 p.

16. Latyshev, V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Chast' vtoraya. Latinskie pisateli (Prodolzhenie)* [News of ancient writers about Scythia and the Caucasus. Part two. Latin writers (Continued)]. *Vestnik drevnei istorii* [VDI, Journal of Ancient History]. 1949, no. 2(28), pp. 271–356.

17. Valerius Flaccus *Argonautica*, book VI. A commentary by Henry J. W. Wijsman. *Mnemosyne: bibliotheca classica Batava*. Leiden; Boston; Koln, Brill, 2000, suppl. 204. XII+310 p.

18. Bishop, M.S., Coulston, J.C.N. *Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome*. Oxford, Oxbow Books, 2009. XIV+321 p.

19. Delia, G. Wolf vs. Dragon. What if Medieval Dragons Were Wolf-Headed Snakes from Antiquity? *New Frontiers in Archaeology. Proceedings of the Cambridge Annual Student Archaeology Conference 2019*. Oxford, 2020, pp. 195–213.

20. Makkay, J. *Iranians elements in early Mediaeval heroic poetry. The Arthurian cycle and the Waltharius. Tractata Minuscula 12*. Budapest, 1998. 64 p.

21. Mattingly, H. *Coins of the Roman Empire in the British Museum. With an introduction and III plates*. London: The British Museum. Printed by order of the trustees, 1940, vol. IV. Antonius Pius to Commodus. CC+964 p.+111 pl.

22. Richmond, I.A. *The Sarmatae, Bremetennacum Veteranorum and the Regio Bremetennacensis. The Journal of the Roman Studies*. 1945, vol. XXXV, p. I & II, pp. 15–29.

23. Mihailescu-Bîrliba, L. *A Funerary Sculptured Monument of Chester and its Representation. Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 2009. XV. International Workshop Economy, society and integration in the provinces of the Roman Empire, Tulcea, 7–9 September 2008, pp. 146–173.

24. Nicolini, G. *The cavalryman of Chester, a Dacian or Sarmatian Warrior?* April, 2021, pp. 1–9 [Web-site]. URL: www.academia.edu/46018076/The_Cavalryman_of_Chester_a_Dacian_or_Sarmatian_Warrior.

25. Nickel, H. *The Dragon and the Pearl. Metropolitan Museum Journal*. 1991, vol. 26, pp. 139–146.

26. Rukavishnikova, I.V., Beilin, D.V., Fedoseev, N.F., Voronkov, I.A. *Kurgan «Gospital'nyi» v Kerchi (predvaritel'noe soobshchenie)* [Kurgan «Hospital» in Kerch (preliminary report)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, 2018, vol. 23, pp. 151–170.

27. Vasil'kov, Ya.V. «*Muzhi-tigry*», «*chelovekol'vy*» i «*lyudi-vepri*» v *indiiskom epose, kul'ture i istorii* [«Tiger men», «lion men» and «boar men» in Indian epic,

culture and history]. *Bestiarii II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni* [Bestiary II. Zoomorphism of Asia: movement in time]. St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS, 2012, pp. 57–71.

28. Ivančik, A. Les Guerriers-Chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure. *Revue de l'histoire des religions*. 1993, vol. 210, no. 3, pp. 305–330. (in French).

29. Ustinova, Yu. Licanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobyakovo Torque. *Ancient West & East*. Leiden–Boston–Köln, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 102–123.

30. Savinov, D.G. *Volch'i/dragonovy znamena na Zapade i na Vostoke* [Wolf/dragon banners in the West and in the East]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Vasil'evicha Bobrova* [Archeology of Southern Siberia. To the 75th anniversary of the birth of Vladimir Vasilyevich Bobrov]. Kemerovo, Izdatel'stvo KRIPKiPRO, 2020, iss. 28, pp. 140–148.